

Коротко об авторе. Николай Хриенко родом с Кировоградской. В связи со строительством Кременчугской ГЭС его родная деревня Ново-Липовое была выселена из зоны затопления.

Тема журналистских исследований — экология и психология людей, которые попадали в экстремальные условия. Побывал во многих экспедициях в разных регионах СССР. Прошел в групповых и одиночных походах пешком и на лыжах более 2000 километров по Украине, Эвенкии, Колыме, по берегам Белого и Баренцевого морей.

Исследуя различные аспекты последствий Чернобыльской катастрофы, работал один календарный год корреспондентом газеты "Вестник Чернобыля".

На основе дневниковых записей и своих фотоснимков подготовил книгу "Дневник из Чернобыльской зоны".

22 марта (четверг)

ПЕСНЯ ЖЕНЩИН—ПРИПЯТЧАНОК

Вчера, во время ужина в столовой, услышал протяжную и немного грустную украинскую песню о сломанной калине, которая стоит, пригорюнившись, у реки.

Сначала подумал, что это по радио передают концерт, а когда понес пустую посуду к транспортеру, то сквозь "амбразуру" в глубине кухни увидел женщин в белых халатах. Они перемывали тарелки, ложки и пели эту песню. Спросил у молодой женщины, стоявшей на раздаче: "Откуда они?" И услышал ответ: "Из Припяти. Все они эвакуированные..."

Не знаю почему, но мне подумалось тогда, что эти женщины—припятчанки похожи в своей судьбе с украинскими невольницами, которых вывозили когда-то в Крым татары. Только тех пленниц иногда освобождали наши казаки, кто вернет Родину этим?...

12 апреля (четверг)

ПОТЕРИ НА ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Сегодня летал на военном вертолете МИ-8 фотографировать город Припять, могильники и "саркофаг". Были в воздухе 1 час 40 минут. К "саркофагу" наш вертолет подлетал так близко, что можно было прыгнуть через открытую дверь на его крышу. А белые дома в Припяти напоминают паруса кораблей, плывущих в никуда.

После возвращения на аэродром я долго разговаривал с командиром экипажа майором Мельником, который почти три года воевал в Афганистане и награжден двумя орденами Красной Звезды. Спросил его на прощание: "Какая разница между Афганистаном и Чернобылем?". Он ответил: "Те потери, которые мы понесли в Афганистане, восстановятся через два—три поколения — и горе забудется. А с Чернобылем все наоборот: он запрограммировал человеческие потери на сотни и тысячи лет вперед. За десять лет войны в Афганистане погибло много наших людей, но мы не утратили ни одного метра своей земли. А после атомной аварии огромная территория превратилась в "минное" поле, перед которым бессильны самые лучшие "саперы"... И еще одно: если ты возвратился из Афганистана живым и за три месяца не заболел инфекционным гепатитом, то это значит, что все будет нормально. А из чернобыльской зоны выйдешь и не знаешь, что и когда с тобой случится".

14 апреля (суббота)

ПАСХА В ИЛЬИНЦАХ

Среди многих встреч в чернобыльской зоне мне особенно запомнилось и знакомство с фотокорреспондентом газеты "Известия" по восточным областям Украины Юрием Ворошиловым. Сначала мы ездили в Белоруссию на железнодорожную станцию Иолча, где стояли два эшелона с радиоактивным мясом, возвращенные из Грузии, а потом сфотографировали с вертолета мертвый город Припять "саркофаг", площадки с радиоактивной техникой и брошенные села...

Когда возвратились в Чернобыль, Юрий сказал: — Очень хочется побывать еще и у самоселов. Знаю, что эти люди избегают встреч с журналистами, потому что боятся насильственного отселения из зоны. Одним словом, если сможешь — помоги в этом деле...

На следующий день с утра мы поехали в село Ильинцы к моему давнему знакомому Роману Филаретовичу Юценко. С этим человеком я познакомился, когда работал в "Сільських вiстях". Взяв с Юрия честное слово, что он не будет писать в своей газете о необходимости повторного выселения самоселов, Роман Филаретович великодушно позволил сфотографировать не только себя с хозяйкой, но и корову Вишню, собак Пирата и Барсика, с которыми они прятались в лесах от милиции после "подпольного" возвращения в чернобыльскую зону. Потом мы втроем ходили по селу, заходили к людям, и после слов Романа Филаретовича "это хорошие ребята", старики и старушки не только фотографировались "на память" и рассказывали о своей жизни в зоне, но и с интересом расспрашивали нас о том, что оно там делается в мире за колючей проволокой. Ведь сюда редко попадают свежие газеты, не работает радио. И вообще нам иногда казалось, что какая—то фантастическая машина времени возвратила нас в прошлое, потому что на стенах школы, сельсовета и конторы колхоза висели плакаты и лозунги, которых уже не увидишь за зоной: "Все силы на выполнение исторических решений XXVII съезда КПСС", "Народ и партия — едины", "Ленин с нами" и т.д. и т.п.

Когда уже под вечер мы собрались возвращаться, Роман Филаретович и его жена Галина Яковлевна сказали: "Завтра — праздник Пасхи. К нам в село придет из Чернобыля батюшка — отец Федор. Если хотите увидеть все собственными глазами — оставайтесь".

На следующий день, хотя мы и проговорили с гостеприимными хозяевами допоздна, все встали в четыре часа утра. Галина Яковлевна аккуратно вложила в белую корзину красивый кулич, крашеные яйца, кусок сала и свечу, и мы через непаханные огороды пошли к кладбищу — там должен был состояться обряд. В сплошной темени кое—где вспыхивали огоньки: это люди подсвечивали себе дорогу фонариками. Они добирались сюда из разных сел зоны... А за оградой, на широкой аллее почти у самой земли двумя ровными рядами стояли свечи. Было очень тихо — и крошечные огоньки совершенно не шевелились в абсолютной темноте. Люди все подходили и подходили. Каждый из них ставил у ног свою корзинку, снимал с нее белое полотенечко и зажигал свечу. Крошечный огонек высвечивал белый хлеб и человеческие руки. А затем руки исчезали в темноте — и белая корзинка превращалась в белый кораблик, у которого вместо мачты стояла высокая свеча, а вместо паруса горел золотой огонек. Это было удивительное зрелище, когда ощущаешь присутствие людей, но не видишь их лиц, потому что они полностью сливаются с темнотой. Около 150 свечей горело в ту черную и холодную ночь.

А затем раздался сильный голос батюшки. Он шел между рядами и окроплял венником куличи. Иногда капля воды попадала на свечу — и она гасла. Но через секунду—другую вспыхивала снова. Слова отца Федора я почти не запомнил, но это были очень добрые и нужные слова. Никогда и нигде я не ощущал такого неразрывного единства между Человеком, Землей и Космосом, как здесь, в Ильинцах...

Когда на фоне светлеющего неба стали вырисовываться кресты, кто—то неожиданно включил фару на мотоцикле, и яркий сноп высветил два ряда стариков и старух, стоящих лицом друг к другу. Золотым парусом засияла риза на высокой фигуре батюшки. И произошло еще одно чудо: на густом тумане, как на экране, отпечатались фигуры людей. Показалось на миг, что это поднялись из земли и встали рядом с живыми тени далеких предков, которые ходили когда—то по этой земле...

15 апреля (воскресенье)

ПРОЩАЙ, ПАРТИЗАНСКАЯ СОСНА!

Это дерево знает весь мир. Его фотографировали все журналисты, приехавшие к разрушенному энергоблоку и к "саркофагу".

Когда произошла авария на Чернобыльской атомной, эта сосна с фантастической кроной—крестом вместе с другими деревьями приняла на себя сильный удар ядерной стихии. Рентгены "застряли" в сосне и не полетели дальше — к детям Полесского и Народицкого районов. Но могучее дерево заболело, как человек, лучевой болезнью и начало медленно умирать стоя...

За прошедшие четыре года возле партизанской сосны фотографировались тысячи и тысячи ликвидаторов. Это они поставили вокруг нее красивую ограду и прикрепили рядом металлическую сетку, на которой красными строками написали такие стихи:

И ты, идущий по весне,
Остановись!
И поклонись ей низко.
Кому? Да этой вот сосне,
Сосне, что стала
Обелиском...

И вот партизанской сосны уже нет. В понедельник, 2 июля в 12 часов 3 минуты над "саркофагом" и этой сосной пронесся сильный вихрь. Ослабевшее дерево не выдержало его натиска и упало на землю. Поваленное дерево казалось еще крупнее, чем было. Оно чем—то напоминало человека с распростертыми руками, упавшего после расстрела.

При ударе кое—где обсыпалась сухая кора, и на теле сосны открылись следы от пуль. На боковых ветвях торчали заржавевшие железные скобы. На этом дереве фашисты вешали и расстреливали возле него попавших в плен.

Возвратившись в Чернобыль, я связался по телефону с начальником лаборатории сельхозрадиологии научно—технического центра НПО "Припять", кандидатом биологических наук Н.Бутовым и попросил его дать ответы на некоторые вопросы. Николай Иосифович сообщил: возраст партизанской сосны приблизительно 120 лет. Доза облучения после аварии — более 2 тысяч рентген. Сейчас гамма—излучение на стволе, где осталась кора, составляет до 2,5 миллирентген в час. В нашем разговоре Н.Бутов высказал мысль о том, что погибшую сосну нужно законсервировать и поставить на старое место. Как память о мужестве людей в годы Великой Отечественной войны и после аварии на Чернобыльской АЭС.

А сейчас партизанская сосна лежит, обращенная вершиной к реактору. Как солдат, отбивший атаку и упавший лицом к врагу.

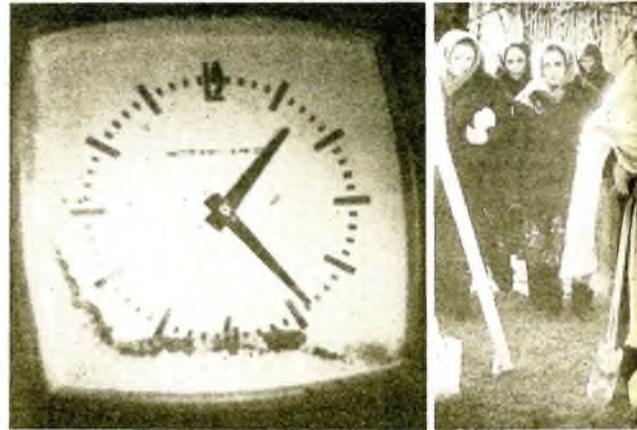
14 июля (суббота)

РАДИОАКТИВНЫЙ ОБМОЛОТ

Сегодня вместе с инженером Чернобыльского автотранспортного предприятия М.Евтушенко ехал из Припяти к контрольно—пропускному пункту "Диброва". Когда приблизились к селу Ильинцы, то увидели необычную картину: почти вся серая асфальтированная дорога впереди была покрыта "золотистыми" снопами. Мужчины били по ним цепями, а женщины в белых платках веяли зерно у дороги на обочине.

Подъехав поближе, Михаил Яковлевич остановил машину, но люди замахали руками: мол, едьте, едьте — не обращайтесь внимания!

Память колесами людское добро мы не отважились, и поэтому вышли из машины. Бывший фронтовик Сергей Корнеевич Федоренко сказал: "Вот готовимся к зиме, урожаем собираем. Мы все здесь в

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ДНЕВНИК (1990—19

ЗАДАНИЕ САМО

Ильинцах старые и больные — сил совсем нет. Вот и выносим со своих огородов снопы овса, ржи и раскладываем на асфальтированной дороге так, чтобы колоски попадали прямо под колеса проезжающих автомашин, они хорошо зерно выминают. Чем больше машин проедет по дороге, тем меньше нам цепями придется махать".

Я смотрел на запорошенные лица людей, на их почерневшие руки, на цепи и решета, деревянные корыта и думал: "Если бы не эта асфальтированная дорога, то здесь можно было бы снимать кинофильм о феодальном строе. Если случится, не приведи Господи, еще одна такая атомная авария, как в Чернобыле, то все мы окажемся в каменном веке..."

8 августа (среда)

ЭКСПЕДИЦИЯ В "САРКОФАГ"

В тот день получилось так, что мы с начальником лаборатории исследования ядерного топлива в четвертом блоке Комплексной экспедиции Института атомной энергии К.Чечеровым приехали в бюро пропусков ЧАЭС очень рано. И ожидая из Славутича фотокорреспондента нашей газеты Владимира Саврана, я с интересом расспрашивал Константина Павловича о его личной жизни, об исследованиях в зоне в первые месяцы после атомного взрыва. Об этом человеке я слышал много удивительного. Даже самые смелые "сталкеры" чернобыльской зоны говорят о нем с особым уважением: в том разрушенном энергоблоке, почти сразу же после аварии, он вместе с дозиметристами Института атомной энергии Леонидом Комиссаровым и Владимиром Трусовым много раз переходил за предел человеческих возможностей и... возвращался обратно.

Вспоминая о тех днях, Константин Павлович сказал: — Тогда было такое нервное напряжение, что дома, в Москве, я ногами "бегал" во сне по энергоблоку. И когда уже было невмоготу, я снова возвращался назад. Должен сказать, что первыми пошли в самый ад взорвавшегося энергоблока дозиметристы нашего института Михаил Костяков и Владимир Кабанов. Но с умом. Переделав дозприборы, эти высокопрофессиональные специалисты сократили скорость измерений радиоактивного излучения в 10—20 раз и тем самым продлили всем нам жизнь. За это им земной поклон...

Люди, с которыми пришлось тогда работать, стали мне родными. И вообще человеком, по большому счету, я стал в Чернобыле...

Ну, а потом приехал Володя Савран, мы взяли пропуска в "саркофаг" (кстати, на оформление всех документов ушло несколько дней), и на "скорой по-

Выбравшись из санпропускника, по длинному коридору, обшитою золотистыми металлическими листами, мы быстро направились к блочному щиту управления бывшего 4-го энергоблока. Я шел последним и на ходу сделал несколько фотоснимков этого удивительного коридора с тремя человеческими фигурами. Но сам операторский пульт управления атомного блока произвел в сумерках угнетающее впечатление — будто штурманская рубка погибшего огромного корабля.

На выходе луч фонаря осветил нацарапанную на зеленой боковой стене надпись: "Радики, с приветом! Надя."

Этот "автограф" остался здесь с 1986 года...

А дальше наш путь пролегал по мониторинной буровой установке. С помощью телевизионных камер инженер М.Харкуца следил за работой бурильных установок: они пробивали скважины в заваленные взрывом и "запечатанные" свежим бетоном при строительстве "саркофага" помещения бывшего 4-го блока. (Их ныне непосредственно под "саркофагом" 398). Зачем в эти помещения пробивать скважины?

Оказывается, после взрыва на атомной станции, а точнее — до середины июля 1986 года институты Министерства среднего машиностроения, Госкомгидромета и Министерства обороны в результате независимых расчетов пришли к выводу, что выброс ядерного топлива из разрушенного реактора составляет от 4 до 12 тонн. Таким образом, внутри 4-го энергоблока его осталось, по оценкам этих специалистов, приблизительно 185 тонн. К нему и добиваются исследователи "саркофага". Пока пробурено 140 скважин, а работы впереди, как говорится, еще дай Бог...

Наверное, самое краткое интервью за много лет в журналистике я взял у начальника группы по измерению нейтронных потоков и гамма-излучений Комплексной экспедиции А.Воробьева, а также у бурильщика В.Агапитова. В те минуты они пробивались к помещению, в котором находится ядерное топливо. Уже было пробурено сквозь железобетон 6 метров 60 сантиметров. Но до цели оставалось еще целых 2 метра 40 сантиметров. В нормальных условиях в угольных шахтах их проходят за секунды, а здесь сантиметры и метры оцениваются не только временем, но и здоровьем, даже годами жизни.

Я огляделся вокруг. Ну и обстановка! На стенах — черные тени. Белые маски на лицах. Искореженная взрывом арматура и покрученные, как игрушечные, многотонные металлические балки. Трудно, очень трудно было строителям "саркофага" тогда — в 1986 году. Но и сейчас здесь нелегко: время пребывания исчисляется минутами и секундами. Степень и предел риска — неизвестны.

Теперь, после посещения этого "райского" уголка — обратно. Как говорят шутя: "Назад полный вперед!" Дух перевели только в лабораторном помещении исследователей, где относительно чисто. Потом, как образно сказал Юрий Кобзарь, мы стали переодеваться в скафандры потяжелее. Когда я и Володя влезли внутрь цельных полупрозрачных комбинезонов, К.Чечеров помог каждому из нас полотнее затянуть все завязки, вместо легких "лепестков" тщательно подогнал тяжелые резиновые респираторы с мощными фильтрами, проверил их на герметичность. Предупредил:

— Что бы ни случилось — ни в коем случае не снимать респиратор!

Потом вместо матерчатых перчаток надели резиновые. Они не только лучше защищали от радиации — в них значительно удобнее было работать и с фотоаппаратом, и с блокнотом.

...Сквозь пролом в бетонной стене пробрались туда, за невидимую черту. Теперь не дремай, потому что каждая секунда здесь тебе не подружка. Где можно — бегом, а где нет — быстрым шагом. Только бы не поскользнуться.

Не теряя ни секунды, "ныряем" все глубже и глубже. Все время только вниз, вниз, вниз... Уже спустились на нулевую отметку, на уровень земли, и зашли на первый этаж бассейна.

— Теперь слушай внимательно, — глухим голосом говорит Чечеров. — Вон то место, впереди под трубами, нужно пробежать очень быстро. Дальше — отверстие в вертикальную шахту, а в ней — железные скобы. Опустившись вниз до груди, подаешь сигнал следующему. Первым идет Юра... Вскоре мы услышали его голос: "Давай!". Вторым пошел Володя, третьим — я. Когда подбежал к люку, подал целлофановый кулек с фотоаппаратом и блокнотом Володе. Он дальше — Юре. Так цепью и спустились все четверо вниз, в парораспределительный коридор.

Когда резко опускаешься с аквалангом под воду, то каждый метр ложится на тело огромным давлением. А здесь каждый шаг вглубь "саркофага" оборачивается против человека повышением радиационного уровня. Вот уже и стены обшиты свинцовыми пластинами. Дальше они только под ногами. А еще дальше — их уже нет нигде: просто не к чему крепить, потому что всюду лишь развалины. Здесь полное раздолье для радиации.

— Берегите респираторы! — напоминает Чечеров. Он первым пополз в черную нору. За ним — Савран. Дальше — я. И последним — Кобзарь. Ползем друг за другом в крошечной тьме метров девять или десять. Самое узкое место проходим "на выдохе". Чувствую животом горячий бетон, под которым спряталось ядерное топливо. Наконец выбрался на ту сторону. Дышим так глубоко и тяжело, что даже в груди свистит. Или это фильтры респираторов так "поют"?

Чуть позже через отверстие в паросбрасывательном клапане мы увидели отбойный молоток и защитную маску электросварщика. Значит, сюда тоже кто-то "ходит" на работу?

— Это наши ребята пробивают оттуда отверстие в подреакторное помещение, чтобы продвинуть через него перископ, — объясняет Чечеров. — Если потребуется, то мы и датчики установим для измерения нейтронных потоков и гамма-излучений...

Я залез внутрь паросбрасывательного клапана и взял одной рукой электрический отбойный молоток. Тяжелый... И представил себе человека в этом каменном и горячем аду. Если бы я работал здесь и получал столько же, сколько "великие труженики" многочисленных контор Чернобыля, я бросил бы к черту этот отбойный молоток... Пусть бы этот блок хоть сквозь землю провалился...

Впрочем, не знаю, как поступил бы на самом деле...

И снова лестницы и коридоры. Вверх, вниз, вверх. То бегом, то быстрым шагом. После короткого совещания, немного отдохнув, мы выходим на третий — самый главный маршрут.

Тени пляшут, словно привидения. Неожиданно в длинном коридоре чей-то лучик фонаря, скользнув по черной стене, осветил в темноте белый циферблат часов. И все фонари нацелились в одну точку. Были хорошо видны надпись "Стрела", след от коррозии через цифру "6" и черные стрелки. Они замерли на отметках 1 час 23 минуты... Я даже успел нацарапать в блокаде: "Часы. Коридор возле зала гл.цирк.насосов". Дальше уже ничего не записывал. Было не до того. Вниз, вниз, вниз по лестнице, с обеих сторон обшитой свинцовыми пластинами. Теперь по коридору прямо, прямо, прямо... Только мертвое эхо от топота ног. По лестнице вверх, вверх и вверх... Луч фонаря высвечивает огромные глыбы бетона и рваный металл с оплавленными концами, как будто его резал пьяный электросварщик. Еще немножечко. Еще... А это уже — Зона Смерти. Тут умирает фотоленка и фотоаппарат становится слепым. Видят только глаза, хотя это за пределами человеческих возможностей. Сюда никто не имеет права выписать официальный пропуск потому, что он ляжет на душу тяжким грехом.

Сюда исследователи идут только добровольно...

На следующий день наши ноги будут гудеть от усталости, как после футбольного матча. Но это будет завтра. А сегодня — только вперед! Теперь нет смысла оглядываться назад, ведь мы уже перешагнули свой Рубикон. И вдруг команда: "Стоп! Вон там прямоугольное отверстие в стене. Если посмотреть в него, то увидишь реакторный зал." Но сначала нужно хоть немного отдышаться... Ощущаю, как по спине струится пот и стекает в бахилы...

Господи! Ну что за привидение? Прямо перед собой, внизу, вижу в черной раме большую икону. Как она попала сюда? Я даже наклонился, чтобы лучше ее рассмотреть. Цветы из фольги горят в луче фонаря, как золотые. Но почему нет образа? Может, и здесь уже побывали мародеры?

— Это не икона, а многослойное защитное стекло, — пояснил Юрий Кобзарь. — Еще до аварии через него велось наблюдение, когда в реактор загружали ядерное топливо. Мы его недавно кувалдой выбивали из гнезда, потому и появились "цветы" от трещин. А "золотым" стекло сделала радиация. Через это отверстие мы уже завели металлическую эстакаду, чтобы затем запустить по ней тележку с телекамерой для исследования центрального зала...

Ну, а теперь, когда отдышались, можно сделать самое главное — заглянуть туда, где до взрыва был реактор.

— Но смотреть не более двух секунд, — предупредил Кобзарь. — Из той дыры 70 рентген "светит"...

Я стоял ближе и поэтому пошел первым. Тело было разогрето до такого состояния, что холодок — импульс страха — расплавился где-то на полпути к сознанию. Волнения не было совершенно. Только стремление увидеть эпицентр глобальной катастрофы.

Самое интересное в мире — это прикосновение к тайне...

Несколько шагов по лабиринтному ходу, ведущему в центральный зал. Потом немного правее. Вот дыра в бетонном монолите. Теперь надо заглянуть так, будто играешь в журмки. Последнее движение — и все перед глазами...

"Двадцать два!" — отсчитал внутренний голос одну секунду. И за этот миг я увидел, словно во время ослепительной вспышки ночной молнии, серебристые глыбы бетона. Черные языки на них от ядерного огня. Верхнюю часть почти вертикально стоящей "Елены" — защитной крышки бывшего реактора. Обрывки труб и проводов. Два радиобуя с цифрами "12" и "14", сброшенные сюда с вертолета...

"Двадцать два!" — повторил внутренний голос еще раз. И за эту вторую секунду я успел глянуть вниз. Туда, где после взрыва полыхал невероятный жар, и в душу, и в лицо повеяло ледяным холодом. Было такое чувство, будто глянул не в шахту бывшего реактора, а в экспериментальный проект могилы для всего человечества.

Третьей секунды, чтобы посмотреть вверх, у меня, к сожалению, уже не было...

Когда снова "всплыли" вверх, то в зале главных циркуляционных насосов сняли "скафандры" и бахилы, чтобы не тащить радиоактивную грязь дальше. Затем в специальной комнате санпропускника сняли все: респираторы, перчатки, носки и одежду. Все было таким мокрым, как будто мы побывали под ливнем. Все вещи аккуратно вложили в полиэтиленовые мешки для захоронения в могильник. Распрошались и с фотоаппаратами — оставили только фотопленки.

Н.ХРИЕНКО

(Окончание следует)

91

МУ СЕБЕ

мощи" доехали к контрольно-пропускному пункту.

С каждым шагом по серому бетону к огромному "саркофагу" нам казалось, что мы становимся все меньше и меньше. Это сооружение своим ужасающим весом будто вдавливал человека в земную поверхность. Затем Константин Павлович чуть приоткрыл обычную с виду деревянную дверь — и мы переступили порог прихожей "преисподней".

Дальше я расскажу обо всем так быстро, как было на самом деле.

По железной лестнице мы поднялись в узкий коридор поста дозконтроля. Все трое сменили свою обувь на специальные тапочки, переступив очень высокий порог, зашли в санпропускник. Там нас ждал один из опытейших первопроходцев "саркофага" Юрий Кобзарь — сотрудник отдела сбора и обработки научной информации Комплексной экспедиции. Потом мы сняли с себя совершенно все. Надели белые носки, белые тонкие рубашки и брюки. Сверху — зеленый хлопчатобумажный костюм. На ноги — белые матерчатые сапоги на твердой ребристой подошве и пластиковые бахилы. На головы, кроме белых шапочек, подобрали по размеру защитные пластиковые каски. Респираторы мне и Володе очень тщательно подогнал дозиметрист санпропускника М.Громов. В специальные кармашки на левом боку каждый вложил дозиметрический накопитель. И только после этого мы надели белые перчатки, взяли целлофановые пакеты с вложенными в них фотоаппаратами и блокнотами. Все! Готовы...

— Главное, ни при каких обстоятельствах не снимать респираторы, — напоминал еще раз К.Чечеров. — Не спать и не отставать. Никуда не заходить без разрешения: радиация — это снайпер, который стреляет без предупреждения и без промаха. Ну, пошли!